

Н С. ШАЙЖИНЪ.

ОЛОНЕЦКІЙ КРАЙ.

(по даннымъ мѣстнаго фольклора).

II.

XIII 1278194

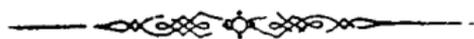
Г. Петрозаводскъ.
Олонецкая Губ. Типографія.
1908.

Перепечатано изъ «Олонецкихъ Губ. Вѣд.» за 1908

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Семейный бытъ населенія.	Стр.
Женская доля	1
О положеніи дѣвушки въ родительскомъ домѣ	3
«Воля» дѣвушки	5
«Бесѣды» и «игранье»	7
Ряженье и гаданья	9
Гулянья и «игрища»	10
Слѣды формъ брака въ фольклорѣ:	
1. Умыканье	12
2. Купля—продажа невѣсты	13
3. Договоръ	15
4. Свободный выборъ	16
Полюбовные и насильственные браки . .	17
«Ознѣбна-чужа сторона»	17
Участь дѣвушки-невѣсты на судимой сто- ронѣ	19
Отношеніе <u>молодухи</u> къ богоданой роднѣ	22

Участь «вдови» и солдатки	23
Любовь матери къ дѣтямъ	24
Отношеніе дѣтей къ родителямъ прежде .	26
Паденіе родительскаго авторитета въ позд- нѣйшее время	28
Взглядъ на семейный раздѣлъ	29
Къ вопросу о правовомъ положеніи женщи- ны въ семьѣ	29

Семейный и общественный бытъ населенія Олонецкаго края по даннымъ мѣстнаго фольклора.

I.

Въ очеркѣ о *семейномъ бытѣ* большинство вопросовъ должно касаться положенія женщины въ семьѣ. Подобная постановка дѣла вызывается характеромъ данныхъ народной поэзіи, любимый сюжетъ которой составляетъ *женская доля*. Послѣднее и неудивительно: женщина, мать—основа семьи и она же главнымъ образомъ—создательница и хранительница произведеній народной словесности и особенно въ области лирики. Одновременно и попутно съ центральнымъ образомъ женщины—невѣсты, жены, матери, вдовы—очерчивается въ фольклорѣ и семейное положеніе мужчины.

Что касается общаго взгляда на женщину по даннымъ народной поэзіи въ ея цѣломъ, то за изслѣдовательницей Шеметовой повторяемъ, что взглядъ этотъ крайне незавиденъ. „Гипъ злой

жены, обычный въ былинахъ и пѣсняхъ, слагается уже въ то далекое время, когда на ряду съ богатырями „полякують поляницы удалыя“. Это не только сильныя, но и хитрыя существа, способныя на льстивыя рѣчи (П. Н. Рыбниковъ. Пѣсня. I, 64). Но, умѣющія обворожить рѣчью, умильною — пригожей“ (Агренева — Славянекая, Описание деревенской—Олонецкой свадьбы. III, № 1), женщины всетаки не имѣютъ умственныхъ способностей въ равной степени съ мужчинами. Недаромъ же сложилась изстари „поговоря на святой Руси: у жонки е волосъ дологъ, да умъ коротокъ“ (А. Ф. Гильфердингъ. Онежскія былины. II, 149. 435), а потому ее „куды ведутъ—туда пдетъ, куды везутъ—туда ѣдетъ“ (Гильф I, 283); и подобное отношеніе даже не кажется женщинамъ оскорбительнымъ (Гильф. II, 193)!

Съ отрицаніемъ умственныхъ способностей соединяется и сомнѣніе въ нравственной порядочности женщины. Былины и пословицы говорятъ: „Долгой вѣкъ не безъ горя, молода жена не безъ чуда: молода жена да то чужа корысть; мужъ въ лѣсъ по дрова, а жена замужъ пошла“ и потому только „глупый хвастать молодой женой“ (Г. I, 259. 263. 434). Въ женщинѣ пословица отрицаетъ даже человѣческое достоинство: „у бабы души нѣтъ, на бабу и „души“ (земли) не наделяютъ“. Богатыри въ силу такого взгляда на

женщину не находятъ для провинившагося товарища болѣе унижительнаго наказанія, какъ водвореніе его въ женскую компанію:

— Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
 Да не ѣзди съ нами со бурлаками,
 А ѣзди во гради во Кіевъ,
 Ты во Кіевъ во гради межъ бабами.

(Гильф. II, 498).

Подобный же унижительный взглядъ на женщину перешель отъ старины въ наслѣдіе и позднѣйшему времени и выражается постоянно въ выше приведенныхъ и другихъ пословицахъ, совѣтующихъ учить неразумную жену уму-разуму, „бить жену до дитей, а дитей безъ людей“.

Вопросъ о положеніи дѣвушки въ родительскомъ домѣ на основаніи данныхъ фольклора можно разрѣшать двояко. Можно повторить за К. Аксаковымъ, что „дѣвушки—это какое-то привилегированное сословіе, не знающее труда и заботъ (Собр. сочин. I, 317), какъ это и сдѣлалъ г. Брайловскій послѣ изученія „Прячптаній сѣвернаго края“ (Филолог. зап. 1886 г.; I), но можно съ Е. Будде (Рус. фил. вѣстникъ 1889 г., кн 4) на основаніи тѣхъ-же „Прячптаній“ и др. данныхъ фольклора оспаривать этотъ ложный выводъ.

Если разсматривать похоронныя причеты дочери по отцу или матери и „продольныя“ пѣсни, то можно подумать, что

Распрекрасное дѣвушкамъ житье,
У родителей имъ дома хорошо.

(Достояная продольная пѣсня).

Но въ возникновеніи поэтическаго представленія о дѣвичьей порѣ, окруженной особымъ ореоломъ волн, мягкости и любви родителей, сказались двѣ главныя причины: съ одной стороны, дѣйствіе того психологическаго закона, по которому все, „что прошло, то будетъ мило“, а съ другой—обычная безропотность русской женщины и склонность ея дѣйствовать по пословицѣ: „што на сердца не дѣйсе, а ты ходи да смѣйсе“. Однако бываетъ, въ жизни дѣвушки моментъ, когда она предъ всѣми открываетъ, что у ней „дѣецце на сердца“. Этотъ моментъ--разставаніе дѣвушки со „своей дорогой волей“, привыходѣ замужъ „на остудну дальнюю сторону за чужого чужанина, за млада сына отецкаго“. Въ свадебной причети единственный разъ дѣвушка громгласно заявляетъ о своихъ человѣческихъ правахъ и вмѣстѣ съ протестомъ противъ продажи своей свободы, коритъ родителей трудной работой въ „дѣвочествѣ“:

Вы послушайте, желанныи родители,
Знать не раба была я, не работница,
Не легкая была перемѣнщица?

(Рыбн. IV, 117).

Что приходится дѣлать дѣвушкѣ „на родимой сторонукѣ“ — указываетъ пѣсенка:

Не ругайте-ко мнѣ —

Всѣ работы знаю я:

Знаю жать, знаю косить,

Съ обыхъ рукъ я молотить,

Сіять, вѣять, ленъ полоть,

Подъ окошкомъ дровъ колоть.

(Пудож. частушка).

Къ тяготѣ работы присоединяется еще обиды отъ „сростителя батюшка“ особенно послѣ „великой заступушки — родной маменьки“, при злой лихой мачехѣ, и дѣвушка готова уже тогда думать, что горе-обида ей на роду написаны и неразлучны съ ней:

Что злодѣйная обидушка

Съ нею вдругъ она родилася,

Въ одномъ купели окрестилася,

Въ одной зыбочки качалася,

Ды сестрою называлася.

(Свадеб. причетъ).

Единственной утѣхой дѣвушки остается ся „вольна волюшка“, которую она облекаетъ въ такіе чудные образы въ свадебной причети и о невоз-

вратности которой въ замужествѣ она съ тоскою поеть:

Распелася русая косынька—
 Не стану залетать,
 Улетѣла вольна волюшка—
 На тройки не догнать.

(Частушка).

Какъ примѣръ олицетворенія волн возьмемъ „баянную причеть“ Вытегорскаго края:

По полку воля бросалася—
 Жаркимъ вѣвникомъ казалася,
 А по лавочкѣ бросалася—
 Желтымъ мыломъ показалася,
 По корытечку бросалася—
 Ключевой водой казалася,
 А на каменку бросалася—
 Вѣлымъ паромъ подымалася,
 По полю воля бросалася—
 Краснымъ камнемъ казалася;
 Улетѣла моя волюшка
 Што-ль за синнее за морюшко,
 А садилась моя волюшка
 На суху, горьку осинушку,
 На прокляту деревинушку.....
 Гдѣ-то есь у молодешенькой
 Соколь-братецъ мой родименькой,
 Голубчикъ златокрыленькой.....

Поѣждяй, мани-тко волюшку

На алыи на ленточки.....

(„*Вытегорскіе Кондуши*“, стр. 81—82)

Воля дѣвушки выражается въ участіи ея на „гулянкахъ, бесѣдахъ и вечеркахъ“ и подлежитъ контролю родителей, несравнимому однако съ контролемъ свекрови на „судимой сторонѣ“, гдѣ, дѣвушкѣ

Трудно будетъ привыкать:

Съ половицы на другую

Не велятъ переступать.

(*Вытегор. частушка*).

Дома же у родителей дѣвушкѣ много свободнѣе, по крайней мѣрѣ вечеръ трудового дня и праздники въ ея распоряженіи.

По вечерамъ съ Воздвиженія до Великаго поста деревенская молодежь собирается на „вечерки“, иначе называемыя „вечеринками, бесѣдами“. *Бесѣды* бывають, *руководльняи иgrimья*, первыя—по буднямъ, на нихъ дѣвушки собираются съ пряжками (Собол. III, 123).

Иgrimья бесѣды, описанныя г. Пѣзынымъ, представляютъ любопытный пережитокъ старины, кой-гдѣ еще удержавшійся по Заонежью. Начинаются онѣ запѣвомъ:

Ты, хозяйнѣ, прости,

Да господинѣ, благослови

Трижды по избы пройти
Да словца вымолвити.

Подъ пѣсни начинается затѣмъ „игранье“: перепелка, утушка (Истоминь „Ивѣни русскаго народа, собранныя въ Олонецкой и Арханг. губ.“ V, 7—8), совгннѣ или вьюнѣ. Больше сложнымъ изъ танцевъ является „хороводъ“. Молодецъ вызываетъ на середину избы дѣвушку „играчиху“, та еще молодца и т. д. Образуется кружокъ; пройдя раза два вмѣстѣ, составляющіе кружокъ „вертятся“ попарно.

Затѣмъ танцуются „шестерочка“. (Истоминь. V, 5—6), за вторымъ кружкомъ слѣдуетъ „ланцей“, а за третьимъ кадрили. Послѣ четвертаго круга „садется въ шинѣ“ и пятое собранье въ кружокъ заканчиваетъ хороводъ.

Сидѣнье въ шину (Шудож. „карованье“), т. е. сидѣнье молодежи „парочками“, бываетъ какъ на зимней бесѣдѣ, такъ и на лѣтнихъ „пгрищахъ“. Незнакомый съ уцѣлѣвшими еще патріархальными нравами деревни легко могъ бы счесть игрища и бесѣды съ шинами — „снженьями“ за притоны распутства, къ которому совершенно равнодушно старшее поколѣніе. Но подобное мнѣніе было бы совершенно ошибочно.

На масляницѣ, когда бесѣдъ не бываетъ, молодежь „занимается“ — развлекается катаньемъ съ

горь. Въ Пудожской свадебной причетѣ невеста спрашиваетъ чужого чужанина:

— Скажи гдѣ мнѣ повысмотрѣль?
 Ты на горочки-ль катаючись?
 Какъ на горочки катаючись,
 Бѣло личушко навѣяло —
 Видно тутъ тебѣ приправилась.

Ряженья на масляницѣ по бываетъ, зато этому развлеченію молодежь предается на святкахъ, „крутятся хухляками“ — кто во что гораздъ. Съ ряженьемъ нераздѣльны *гаданья*. Какъ болѣе оригинальные виды послѣднихъ отмѣтимъ: завертыванье въ „тукачи“ — связки соломѣ, хватанье безъ выбора полѣна пзъ костра, бросанье косоцветокъ и углей по пути крещенскаго крестнаго хода на іордань и т. д. Для „наложенія на себя доброй славы“ дѣвушки прибѣгаютъ въ святки къ обливанію себя водою подѣ церковнымъ колоколомъ или черезъ колокольчикъ подѣ „потоками“ (водосточными желобами) и на „лѣсовыхъ ростаняхъ“. При этомъ онѣ обязательно приговариваютъ: „Какъ этотъ колоколь звонить, такъ бы звонѣли и говорили вси добры люди по праздникамъ, по ярманкамъ и торговлямъ про мнѣ рабу Божью (имя)“. Весной и лѣтомъ увезеленіями молодежи кромѣ игрищъ являются „хлопта“ (игра въ лапту), игра „столбомъ — въ горѣлки,“ а также деревенскія гульбища.

Интересна картина карельскаго праздничнаго гулянья, данная въ книгѣ „Олонекій край“ — г. Круковскаго. После обѣда говорить онъ, начали формироваться кадры дѣвушекъ карелокъ, которые вытѣснили толпу (парни стояли группами по сторонамъ дороги) и сами заполнили улицу. Онѣ шли въ два ряда, каждый по своей сторонѣ улицы, навстрѣчу другъ другу. Передъ моими глазами проходили цѣлые полки дѣвушекъ, здоровыхъ, крѣпкихъ, яркихъ, цѣлое войско. А навстрѣчу ему двигалось такое-же. Достигнувъ конца улицы, колонна поворачивала, изгибаясь змѣей, и шла обратно, чтобы посреди села встрѣтиться съ другой, противоположной колонной, блестящей жемчужомъ коронъ, шелкомъ и даже парчей.

Корона или поднизь — своего рода кокошникъ тонкой ажурной работы; благодаря массѣ нанизаннаго жемчуга цѣна хорошей поднизии иногда доходитъ до 300 руб. Въ особенности красива сѣтка короны, спускающаяся надъ лбомъ и придающая даже не совсѣмъ красивому лицу милость. Въ общемъ, корона — нѣчто въ родѣ шлема, покрывающаго голову дѣвушки или молодницы и являющагося выраженіемъ древне-славянскаго художественнаго вкуса.

На гулянкахъ, играхъ и игрищахъ завязываются близкія отношенія молодежи, игранье парочекъ со всѣми его радостями и горестями, оканчиваю-

шееся невольной или желаемой разлукой, или «честнымъ пиркомъ да свадебкой».

Въ послѣднемъ случаѣ исполняется завѣтная мечта дѣвушки, выраженная въ частушкѣ:

Неужели тое буде—
 Миня въ дѣвушкахъ не буде,
 Косу на двѣ расплетуть,
 Молодухой назовутъ?

Сбывается наговоръ, который дѣвушка усердно твердила при каждомъ праздничномъ умываньѣ: „Поклонна, бажена рукомоечка, тихая ключевая, родничная водушка, какъ умавала тихи, круты бережка, такъ умой миня рабу Божью (имя) краше краснаго солнышка, свитляе свѣтлого мѣсяца, баще звѣзды небесной, луны подвосточной, какъ радуется мѣрь православной красному солнышку, такъ бы радовались мной рабой Божьей добры молодцы, любилы бы, жалили, тоснули и гинули въ каждой день, въ каждой часъ, въ ядрану минуту.

(Пудож. запись).

Выходя замужъ, дѣвушка не особенно задумывается о достаткѣ жениха, но „зарится“ на богатство; у ней другой критерій при выборѣ суженаго:

Я богатаго разряду
 Во вниманье не беру,
 Я такого выберу—
 Красивого кадиберу.

(Вытегор. част.)

Того-же мнѣнія и женихъ, по словамъ невесты:
 Пусть свекровушка порыще
 Побогатіе поище —
 Ейной сынъ, а мой любой
 Не возьме замужъ другой

(*Пудож част*)

Итъ надобности описывать здѣсь Олонецкую крестьянскую свадьбу; десятки описаній подобнаго рода съ 50-хъ г.г. прошлаго столѣтія представляютъ незначительныя сравнительно отступленія отъ нашего описанія Пудожской свадьбы (Олон. Губ. Вѣд. 1903 г.), гдѣ забыто только отмѣтить объ исчезающемъ обычаѣ катанья на боронѣ неудачнаго свата.

Разсматривая свадебныя обычаи, причеты и пѣсни, приходится убѣждаться, что въ нихъ до сихъ поръ мирно уживаются слѣды самыхъ разнородныхъ обрядовъ и формъ брака, начиная съ древнѣйшихъ—умыканья, купли и договора и кончая полюбовнымъ соглашеніемъ.

1. *О древнемъ умыканьи* невесты есть упоминаніе въ быльнѣ о Дюкѣ, срубившемъ головы 9 братьямъ и завладѣвшемъ ихъ сестрою (Рыб.). Свадебная причетъ объ умыканьи говоритъ почти въ каждомъ стихѣ—„словѣ“: женихъ постоянно называется молодымъ княземъ, чужимъ чужаниномъ, воинномъ турекимъ, который ѣдетъ

Со храбрымъ своимъ поѣздомъ,
 Со брудгой да голубушкой,
 Со дружками поѣждянами,
 Чтобы полонить красну дѣвицу
 Со высокого со терема
 На остудну чужу сторону.

Отношеніе неvěсты къ поѣзду жениха самое враждебное.

Вотъ ея пожеланіе столу княжнескому:
 Самому то свату большему
 Въ кисели да задавитисе,
 Въ молоки то захлебнутисе,
 На ступень ступить—нога сломить,
 На другой ступить—друга ломить,
 Подъ крылецъ то прокатитисе,
 Головой да порѣшитисе. (Пудож. причеть).

Даже подруги кажутся неvěсть въ заговорѣ съ чужаниномъ. Однако, древній обычай умыканья удержался не только въ фольклорѣ, но и въ жизни олончанъ: въ Каргоп. и Пудож. у.у. практикуется и до сихъ поръ похищеніе по предварительному соглашенію съ дѣвицей.

2. Въ свадебныхъ обычаяхъ и причети остались *перезитки* и *купли—продажи* неvěсты.

О чемъ, какъ не о форменной торговлѣ говорить слѣдующее, напр., мѣсто причети:

Отъѣзжая ко чужь отцовою сынъ

Во Шуньгушку богатую,
 Во Корелушку проклятую,
 Тамъ е дѣвушки дешевыя—
 По три дѣвушки на денежку,
 По четыре на копѣчку.

Сама считая себя предметомъ торга, дѣвушка просить отца брать возможно высокую цѣну съ купца—чужого чужанина:

Выряжай, кормилецъ батюшко,
 40 ведеръ зелена вина,
 50 да пива пьянаго,
 Ужъ ты чужого чужанина
 Разорай до основанія.

„Свадебному дѣлу“ присущи и всѣ черты торговой сдѣлки: пропой, осмотръ невѣсты и рукобитье.

Свой пропой на чужую сторону невѣста присуеть такими чертами:

Пана, мама за столѣмъ
 Разливають чай съ виномъ,
 Пропиваютъ мнѣ дѣвушку
 На вѣки въ чужой домъ.

(Пудож. част.).

Осмотръ считается необходимымъ даже самую невѣстою и не безъ основанія.

Пригласивъ жениха „стать на одну съ ней мо-

товичинку, на ядину перекладинку“, невѣста причис-
т аеть:

Ты гляди миня выглядывай,
Ты смотри миня высматривай,
Смотри прямъ да во бѣло лицо,
Гляди прямъ да во ясны очи,
Штобы впредь тебѣ не каяцце,
Дружьямъ-братыцамъ не жалицце,
Што женитьба незадачная—
Молода жена незрачная.

Сватовство подобно торгу заканчиваютъ „святое богомольце, честное условьице, крѣпкое рукобитыце“, при этомъ невѣста передается по пословицѣ— „изъ полы въ полу“.

3. *Договоръ* не только часто упоминается въ фольклорѣ, но широко до сихъ поръ практикуется и въ жизни народа.

Договариваются обыкновенно старики родители, а съ мнѣніями жениха и невѣсты не всегда принято считаться.

Но все таки, въ сплу стремленія народа всему придать особую форму, въ Олоніи существуетъ только что указанный декоративный обычай „смотришь“, повѣрки, такъ сказать, женихомъ своего выбора передъ санкціонированіемъ его путемъ брака.

Новеселая картина предстоящаго житья—жируш-

ки рисуется дѣвушкѣ при вышеуказанныхъ условіяхъ выдачи ее замужъ:

Едино слово родители промолвили,
 Во заботушку меня озаботили,
 Меня дѣвушку обневолили,
 Во великую неволю, во неволюшку,
 Во чужую, злодѣйную сторонушку.

(Рыбн. III, 350)

4. Конечно, были въ старину примѣры и *свободнаго выбора* невесты женихомъ и обратно, не даромъ же въ „досюльныхъ“ пѣсняхъ мать предоставляетъ выбирать дитятку милому

„Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго
 Изъ молодыхъ-молодаго, наряднаго,
 Какъ съ тѣмъ ли гостемъ дочкѣ вѣкъ вѣковать,
 Вѣкъ вѣковать и мать забывать“.

Теперь, сравнительно со старинной, болѣе часты случаи, когда дѣвица выходитъ замужъ еообразно съ своими симпатіями, а не слѣдуя принужденію родителей.

Отсюда и въ причетяхъ слышатся новые нотки не жалобы и сѣтованія невесты на родителей, а признанія, что

„Сама вѣдь красна дѣвушка
 Свою волю обневолила,
 Не спросила не у роду, не у племяни“.

Такіе любовныя браки несутъ мирную и счастливую жизнь.

Вспоминая о ней во вдовствѣ, женщина говоритъ, что при мужѣ она

Все шелкамъ обшиваласе,
Жемчугамъ обсыпаласе,
Какъ пчела въ меду купаласе,
И была тогда счастлива да таланная.

Но старинный, суровый въ отношеніи къ женщинѣ укладъ жизни остается еще во всей силѣ въ Олоніи и рѣдко допускаетъ упомянутыя счастливыя исключенія брака. Это же подтверждается общимъ олонецкимъ причетомъ и частушекъ, ярко изображающихъ безсильную борьбу дѣтей съ родителями въ вопросѣ устроенія своей будущей судьбы. Дѣвушка съ страхомъ приходится думать о томъ времени, когда

Ей въ дѣвушкахъ не буде,
(Когда) косу на двѣ расплетутъ,
Молодухой назовутъ.

Рѣшается она заявить протестъ противъ скорого и необдуманнаго опредѣленія своей участи родителями:

Ваша думушка, родители, часовая,

Мнѣ то жирушка, желанныи, вѣковая. (Рыбн. III; 353), однако сама же сознаетъ безсиліе подобнаго протеста, чувствуя, что будетъ выдана „на ознобну чужу сторону“, которая даже во снѣ гре-

зятся дѣвушкамъ и страшить ее, какъ мѣсто нравственныхъ и физическихъ мукъ.

Вотъ какъ поэтически — картинно рисуется чужая сторона пылкому воображенію дѣвушки въ чудномъ снѣ, напоминающемъ „мутенъ сонъ князя Святослава въ Кіевѣ на горахъ“.

Мнѣ ночесъ да мало спалося,
 Восняхъ грозно показалося:
 Скрозь пуховую перинушку
 Проросла трава шелковая,
 Скрозь кленовую кроватѣчку
 Протекала рѣчка быстрая,
 Какъ за этой рѣчкой быстрою
 Да стоитъ крутая горочка,
 Какъ на этой крутой горочкѣ
 Стоитъ ель да суковатая.
 Подлѣ ели суковатой
 Стоитъ горькая осинушка;
 Подлѣ той горькой осинушки
 Стоитъ бѣлая березонька
 И безъ вѣтру то шатается
 Безъ дождя да уливается,
 Безъ угару голова болить,
 Безъ вина да ходитъ пьяная,
 Подлѣ той бѣлой березоньки
 Стоять мелкіе олешички,
 Подлѣ маленьнихъ олешнячковъ
 Стоять мелкіе березнички.

— Пособите-тко голубушки,
 Тайны миленьки подруженьки,
 Разгадати мнѣ ночешній сонъ.
 Погодите-ко, голубушки,
 Разгадаю вамъ сама его:
 Тутъ не травушка шелковая,
 А тоска моя кручинушка,
 Да великая обидушка;
 И не рѣченька тутъ быстрая,
 А мои то горючи слезы;
 И не горочка крутая тутъ,
 А чужа—дальна сторонушка;
 И не ель тутъ суковатая,
 А свекровушка зубатая:
 Тутъ не горькая осинушка,
 А злодѣй мой чужой чужанинъ;
 Тутъ не бѣлая березонька,
 Тутъ сама я красна дѣвица;
 Тутъ не мелкіе олешинички,
 А деверье—неродны братья,
 Тутъ не мелкіе березнички,
 А золовки, не родны сестры.

(Пудож. причесъ).

Сонъ дѣвушки оказывается въ руку. На чужой сторонѣ ей предстоитъ нелучшая участь, чѣмъ я невѣсткѣ, которая на основаніи собственного горькаго опыта такъ рисуешь жизнь замужемъ:

Не неси, моя голубушка,
 На судиму на сторонушку
 Не скорости, не гордости;
 Ты неси, моя божонная,
 Головушку поклонную,
 Ретиво сердце покорное,
 Ты клади, моя голубушка,
 Догадочку на грядочку,
 А дометочку на стопочку.
 На судимой на сторонушки
 Свекорь-батюшко осердитце—
 У тибя, моя божоная,
 Ретиво сердце почерницце;
 Свекровь-матушка осердице
 Ръзвы ноженьки подломятце;
 Младь отецькой сынъ осердице—
 Напъ съ лица ходить, захаживать,
 Въ уста прямъ да разговаривать,
 Искать да въ емъ желаньца,
 Напъ всѣхъ по имени звать, по отечеству,
 По утру ставать ранымъ ранешенько,
 А вечеромъ ложиться позднымъ позднешенько;
 А какъ зачнешь вставать, красна дѣвица,
 Попрекать стануть мужа богоданнаго,
 Что лѣнивая взята, не стапливая,
 Не трудница взята, не работница.

(Рыбн. III, 362—363).

Невѣстка далеко еще не описала всѣхъ невгодъ „проклятаго бабьяго житья“ и замолкаетъ изъ опасенія, что отъ подробныхъ описаній у „богоданной сестры-золушки

Задрожать рѣзвы поженьки,
 Приужахнется ретливое сердечушко,
 Поблекнетъ личко бѣлос,
 Затуманятся ясны очушки....

Въ не менѣ яркихъ чертахъ положеніе замужней женщины рисуется и частушками. Непосильная работа, нелюбье и даже ненависть со стороны богоданныхъ сестеръ—золовокъ-колотовонокъ и зубатой свекрови, и деспотизмъ мужа, символизуемый въ первый моментъ брачной жизни разуваніемъ молодого, — вотъ удѣлъ бѣдной женщины въ чужой семьѣ. Понятна становится послѣ этого частушка, проникнутая хватающею за сердце тоскою:

Пойду сяду на ограду,
 Закрычу родитель-маму:
 Ты ставай-ко, мать родна—
 Много горя у миня.

Житье женщины за вдовцомъ еще несноснѣе, чѣмъ „за младымъ сыномъ отецкинмъ“:

Не суди Господь на свити
 За вдовца за мужъ идти:
 Удовецъ замужъ возьметъ—
 Старой жонкой попрекнетъ;

Его прежняя жена
Мнѣ вѣкова сотона.

Невольно при такомъ положеніи вещей накипа-
етъ на сердцѣ молодухи злоба на всю богоданную
родню, она опытно убѣждается въ вѣрности посло-
вицы, что „мужня родня— што колюча хвоя“, но
въ первое время, въ интересахъ самосохраненія, и
виду не подаетъ, что ей не по себѣ:

Назову,—говорить она,—свекра батюшкомъ,
А свекрову мою матушкой...
Зато я млада худа не буду:
Со бѣла тѣла не спаду,
Со алыхъ румянъ не сойду.

Однако чѣмъ далѣе, тѣмъ положеніе замужней
женщины становится невыносимѣе; она не можетъ
уже выцолнить наказъ брата:

Ты, сестрица родимая,
Носи злато—не снашивай,
Терпи горе—не сказывай.

(Изъ пьесы: «Какъ въ теремъ»).

И по мѣрѣ того какъ молодуха „вянетъ, какъ тра-
виночка, и сохнетъ, какъ жариночка“—у ней все
больше и больше прорывается злоба на своихъ му-
чителей. Сколько, напр., злорадства въ цѣсенькѣ:

Не боли, головушка—
Умерла свекровушка,

Еще свекра заморить—
Веселые будетъ жить!

(Частушка).

Еще болѣе злорадства и даже кровожадности оказалось въ продольной пѣснѣ, изображающей сцену дикой расправы жены съ деспотомъ мужемъ

(Собр. III, 123; Рыб. III, 454).

Однако оставшись безъ мужа, женщина ничуть не улучшаетъ своего положенія, она попадаетъ что называется „изъ огня да въ полымя». Вдовья доля по изображенію причетей и цѣсенъ—одно безысходное горе, столь тяжелое, что

„Въ этомъ горѣ вдовка годы позабыла,
Сиротанья лѣтъ не помнить“.

Послѣ смерти мужа „вдовка“ ходитъ на работу и трудится до изнеможенія на родню мужа, помыкающую вдовой-сиротой. Не смотря на свою безропотность и нерѣдко образцовое поведеніе, вдова попадаетъ на зубокъ людямъ:

Хоть пойдешь во церковь посвященную—
Пустословье про тебя какъ рѣка бѣжить,
Что не Господу пошла Богу молитися—
За гульбой пошла она да за гулянницеймъ

Немного лучше участи вдовы и доля женщины солдатки. Изображеніемъ этой доли является въ сборникѣ Е. В. Барсова чудный плачь солдатки, обращенный къ мужу:

— Ты послушай, лада мпая,
 По утру да по ранешеньку,
 Ввечеру да позднихоньку
 Не кукуеть ли кукушечка
 (Кукушка горегорькая);
 Она кукуе жалобнихонько,
 Такъ ты подумай, лада мпая,
 Не кукушечка кукуе горегорькая,
 Горюеть то твоя да молода жена...

Трогательный, „жалобный“ тонъ мы слышимъ въ этомъ плачѣ и до конца его: жена обращается ко всей природѣ и проситъ „вѣтровъ буйныхъ, умолено солнце праведно и рѣки быстрыя“ передать мужу ея горе, рассказать о ея положеніи. Плачъ этотъ (260 стиховъ) по признанію проф. Ев. Будде, есть своего рода „плачъ Ярославны“ изъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Подобный же плачъ записанъ нами въ Пудож. у. Въ немъ также образно изливается тоска вдовы по мужѣ, убитомъ на войнѣ съ Японіей.

Но если трогательна любовь жены къ мужу, то еще трогательнѣе она по отношенію къ дѣтямъ. Только въ роли матери сѣверянка выказала всю глубину своего чувства и все богатство своихъ способностей. Если взять причитанья, то всѣ плачи по мужѣ раскрываютъ предъ нами материнскія заботы о дѣтяхъ; всѣ прочіе интересы у матери

отходятъ на послѣдній планъ. Въ одномъ плачѣ къ роднымъ братьямъ солдатка обращается съ такой просьбой, стоя на колѣняхъ предъ ними:

И вы Господа то Бога хоть побойтесь-ко,
 Допустите-тко сердечныхъ моихъ дѣтушекъ
 Ужъ вы въ домъ да во крестьянскую во
 жирушку

И прихраните-тко отъ темной ихъ отъ ноченьки.

Подобнымъ же образомъ мать высказываетъ свои заботы о дѣтяхъ и въ похоронной причети. Одинаковыми съ причетью и пѣсней красками рисуется положеніе женщины въ семьѣ и олонецкими вариантами былинь. Отразители всецѣло стариннаго уклада жизни, былины дали намъ даже болѣе, чѣмъ причети скорбный образъ униженной и безправной женщины крестьянки. Типъ же всеми уважаемой, властной и независимой „матерой вдовы“, какъ мать Дюка Степановича, — достояніе всецѣло привилегированныхъ древне-русскихъ словій — боярскаго и купецкаго.

Самой яркой чертой древне-русской женщины по былинамъ является ея трогательная материнская любовь. И тогда не менѣе, чѣмъ теперь у несчастной матери сердце обливалось кровью въ тревогѣ за судьбу своего чада милого-неугомоннаго богатыря. Простилась, напр., съ Добрыней его родная матушка —

„Простилась, воротилась,
 Домой пошла, сама заплакала,
 Учала по полаты пахаживать,
 Начала голосомъ, поваживать
 Жалобнохонько ена съ причетью“.

Матери богатыря, какъ матери Васьки Буслаева,
 „Не дорого ни золото, ни серебро,
 Не дорогъ скаченъ жемчугъ,
 А дорога ой буйна головушка
 Своего сына любимого“.

Самоотверженная любовь матери, возвышавшаяся до степени любви матери В. Буслаева, рисковавшей при усмирении сына жизнью, естественно пробуждала подобное же отвѣтное чувство въ дѣтяхъ. **Отношеніе дѣтей къ родителямъ** и особенно къ матери на основаніи данныхъ всей народной поэзіи кратко можно изобразить въ формулѣ: „отца бойся, а мать уважай и люби“. Справедливость этой формулы, характерной для прежняго уклада жизни, ярко подтверждается данными былинъ, причетей и сказокъ.

Богатырь, подобно герою сказки, обыкновенно не отправляется въ поѣздку, но испросивъ предварительно благословенія у родителей и особенно у матери (Добрыня, напр.), потому что благословеніе считалось и считается на вѣки нерушимымъ.

„Благословеніе и молитва матери, по пословицѣ, и со дна моря доставаютъ“. О нерушимости родительскаго благословенія свадебная причеть говорить, что

Вѣково благословеньце родительско

На головушкѣ не старѣеть,

На сердечушкѣ не ржавѣеть.

При такомъ взглядѣ вполне понятно ноутѣшное горе состоятельной дѣвушки сироты (не имѣющей матери), которую „снарядить замужь есь кому, да благословить ее не кому (Истом. IV, 8). Въ старину, при полномъ господствѣ авторитета родителей и при заботливомъ проведеніи его во всѣхъ мелочахъ жизни, между дѣтьми и родителями всегда оставалась нѣкоторая пропасть—и древняя Русь не знала болѣе могущественныхъ связей, чѣмъ кровныя, не знала связей чисто нравственнаго порядка, похожихъ на дружбу. Оттого то отецъ, „по дому настоятель, большакъ крестьянской жирушки“, считался господиномъ, который и на возмужалого сына могъ „возлагать раны“, и мать для сына всегда должна была оставаться „государыней матушкой.“ Отношеніе богатыря къ матери не лишены даже отбѣнка раболѣбства:

Что не бѣлая береза къ земли клонится,

Не шелковая трава растилается,

Ужъ какъ кланяется сынъ (Добрыня) своей матушки.

И только перѣдка въ былинахъ, напр. о Алешѣ и Добрынѣ, пробивается наружу струя искренняго чувства и глубокой взаимной привязанности между матерью и сыномъ.

Но mutantur tempora—mutantur et mores: падаетъ въ настоящее время старый укладъ жизни, жизнь даже въ глуши создается на новыхъ началахъ и параллельно съ этимъ падаетъ родительскій авторитетъ и власть надъ дѣтьми. Правда, иногда родители сами подаютъ поводъ къ тому игнорированію интересовъ дѣтей или мелочной придирчивостю. Но произведенія старины, былины и причеси, совершенно не знаютъ такого обидно-рѣзкаго для родителей тона, какой присущъ многимъ пѣсенкамъ современной деревенской молодежи, напр:

Но за што я не уважу
Сейгодъ родной матушки!
Не спустила проводить
Дружка во солдатушки.

Такое настроеніе дочери, кой-какъ терпимое родной матерью, при выходѣ дѣвушки замужъ способно создать адъ въ семьѣ „чужого чужанна“, непривѣтливо встрѣчающей даже и безотвѣтную молодуху. На ряду съ прогрессирующей въ деревнѣ матеріальной необезпеченностью, неуживчивость не-

вѣстокъ, неуваженіе ими богоданныхъ родителей, сестеръ и братьевъ, являются главными факторами распада большахъ семей (въ XVIII в. до 30—50 душъ) и причинами постоянныхъ раздѣловъ.

Нынѣшняя пѣсня раздѣлъ большой семьи считается явленіемъ прямо неизбежнымъ:

Хорошо, да не порато
 Съ тобой миленькой сидить:
 У тибя четыре брата,
 Надо все нередилить.

Для полноты очерка семейнаго быта олончанъ, необходимо коснуться еще вопроса о правовомъ положеніи женщины. Если личность женщины въ народной средѣ до сихъ поръ еще приижена, подавлена, то имущественныя права ея очень значительны. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи крестьянка имѣетъ даже перевѣсъ надъ крестьяниномъ: она имѣетъ „собину“ — держитъ свою куру, овцу и приданую корову, сѣетъ свой ленъ и, продавая шерсть, яйца и пряжу, имѣетъ свои деньги.

Цѣна 10 к.

Того-же автора:

- 1) Матеріалы и статьи по Олонѣцкому фольклору. Сборники I и II, 1903 г., цѣна I собрания (75 стр.) 30 коп., II — (174 стр.) 54 к.
 - 2) Олонѣцкій фольклоръ. I. Былины, 1906 г., цѣна 40 к.
 - 3) Старая Пудога съ XIV по XVIII вѣкъ, 1906 г., цѣна 25 коп.
 - 4) Олонѣцкое областное нарѣчіе и древне-русскій языкъ въ лексическомъ отношеніи, 1907 г., цѣна 10 коп.
 - 5) Поэзія сѣверно-русской природы. Олонѣцкіе водопады: Кивачъ, Поръ-Порогъ и Гирвась, 1907 г., цѣна 50 коп.
 - 6) Олонѣцкій край (по даннымъ мѣстнаго фольклора), I, 1908 г., цѣна 15 к.
-